Глава 76

Габриэль не закончила задавать вопросы. В ее сердце все еще было много сомнений. Но она осознала важность письма и поспешила обратно в местную святыню, чтобы передать ее Марии. Она не волновалась, что Амон убежит или будет похищен. Он был слишком слаб, чтобы двигаться, и вилла была под строгим наблюдением.

Адоратрица была в своей спальне, и она открыла конверт перед Габриель. Читая содержимое письма, выражение ее лица стало серьезным, словно застыло на морозе. Габриэль почувствовала себя неловко и нарушила молчание: «Миледи, вы плохо выглядите. Что говорится в письме?»

Мария передала ей письмо: «Прочти сама. Пожалуйста, будь спокойна; не позволяй ему тебя расстроить».

Габриэль прочитала письмо. Гнев заполнил ее сердце. Подсознательно она схватила рукоять меча и выругалась сквозь стиснутые зубы,

«Презренные крысы! Они будут ненавидеть богов! Кажется, что даже я стала препятствием на их пути к богатству и могуществу! Миледи, вы были совершенно правы в отношении этих людей. Святыне не нужен такой первосвященник, как Урхия. Он должен быть тем, кого отправили в вечную ссылку!»

Мария утешила своего опекуна: «Мы оба точно знали, что это за люди и что они думают обо мне. Амон, безусловно, должен быть благословлен и руководствуется матерью Исидой. С тем, как он пришел к нам с этим письмом, он почти как ее эмиссар! В конце концов, Амон выжил, а Витру и другие умерли! Это можно считать доказательством. Спасибо Исиде за раскрытие теней под солнцем. Мы должны сделать копию этого письма и вернуть его Урхии. Тогда он не посмеет не подчиниться следующему приказу, который я отправляю на мыс».

Габриэль кивнула: «Возможный план. Мы можем скопировать письмо, используя магию сообщений, чтобы не было никаких сомнений. Давайте также отправим копию Берку. Мы просто скажем, что это письмо, которое Урхия пытался отправить ему. При этом у него не будет никаких оправданий, чтобы помочь Урхии. Он также не сможет помешать вам заменить Урхию поистине благочестивым первосвященником, который верен Матери Исиде».

«Это даже лучше. Да будет так! Пожалуйста, позаботься об этом, и помни... Амон важен. Не позволяй ему снова раниться».

Габриэль взглянула на свою госпожу и спросила: «Вы подразумеваете, что Амон должен быть освобожден? Он убил старшего священника храма Исиды. Должно ли расследование закрываться именно так? Разве никто об этом не заговорит?»

Мария посмотрела в глаза Габриэль и спокойно спросила: «Почему бы и нет? Амон невиновен. Он не хотел никого обижать. По правде говоря, его честность и благородное поведение должны быть вознаграждены. Его преследовали и атаковали священник храма Исиды, но он все же предпочел верить в нас и доставить это письмо. Почему мы должны причинять боль человеку подобному ему?»

Габриэль с позором опустила голову: «Вы правы, миледи. Я не должна думать так плохо о человеке, который нам так доверяет. Возможно, это потому, что я видела слишком много зла, замаскированного в знати, как с лордом Урхией. Но поскольку я решила отстаивать справедливость и защищать простых людей от зла, я должна также больше верить в них ...

Однако если другие высокие лорды настаивают на расследовании дела, стоящего за этим письмом, Амон не сможет вырваться».

«Да, я тоже беспокоюсь об этом. И поэтому я решила защитить его».

«При всем уважении ... Как Адоратрица, вы считаете, что Амон может слишком много знать о темной стороне Храма? В один прекрасный день он мог позорить святыню или даже богов ... »

«Презренные люди могут только позорить себя. Я, как Адоратрица Матери Исиды, сделаю то, что прославляет Ее. Моя вера в Матерь-Исиду никогда не поколеблена делами тех, кто действительно не верит в Нее».

Габриэль поклонилась и сказала: «Вы действительно самый твердый верующий и опекун Матери Исиды. Должна признаться, у меня все еще есть последнее сомнение: знает ли Амон о содержании письма? Что делать, если он знает?»

Мария взглянула на конверт на столе: «Уплотнение кажется неповрежденным. Кроме того, письмо написано на иероглифах, которые он не должен читать. Но независимо от того, в чем проблема, даже если он прочитал письмо? Он не сделал ничего плохого. Не говоря уже о том, что эта информация для нас великое благо. Мы должны быть благодарны и просто поблагодарить его за то, что он дал нам письмо ...! Габриэль, я сама задам ему остальные вопросы».

Габриэль задумалась и ответила: «Я устрою это. Ему будет предоставлена возможность быть вызванным, чтобы выразить свою благодарность лично вам. Сделаем это завтра утром. Это всего лишь небольшой городок; нет необходимости слишком беспокоиться о формальности».

На следующее утро новости были объявлены всему городу. Адоратрицаа Исиды спасла умирающего человека на берегу реки. Человеку была предоставлена возможность выразить свою личную благодарность Адоратрице. Для него было большой честью быть вызванным Адоратрицей, и все жители города поразились удаче этого человека и милосердию Адоратрицы.

По указанию рабов Амон ждал снаружи храма. Его вызвали после того, как Адоратрица закончила свой завтрак. Затем его сопроводили в святилище святилища, которое также было временным конференц-залом для Адоратрицаы. Красный ковер был выложен на земле. Амон поклонился на ковре и поздоровался с Адоратрицей, целуя землю.

Адоратрица сидела в кресле. Она попросила его встать и мягко сказала: «Я не ожидала встретиться с тобой здесь, Амон. Ты извлек Божью Слезу в Дюке два года назад, и Божья Слеза снова привела меня к вам ... Спасибо божественной судьбе ... Дайте Амону стул. Он может сесть».

Рабы были удивлены. Обычным людям, как правило, не разрешалось сидеть в присутствии Адоратрицы. Встреча с ней была уже редкой услугой. Но, как сказала Адоратрица, этот человек был шахтером, который добыл Божью Слезу. Таким образом, он был не просто обычным человеком.

Амон сел и ответил:

«Как шахтер, мой долг - извлекать парангоны. Мать Исида вручила свои божественные слезы Вашему Величеству моими руками. И сегодня ваше величество спасло мне жизнь! Я не знаю, как выразить свою благодарность».

«Я не ожидала встретиться с тобой снова таким образом».

«В самом деле. Я также не ожидал снова встретиться с вашим величеством».

Когда они говорили, они оба смотрели друг другу в глаза, как они это делали раньше в Дюке. Созерцая ее безупречное лицо, Амон не мог не вздохнуть. Между ними был такой огромный разрыв в социальном статусе. Взглянуть ей в глаза было все, что он мог сделать сейчас. Его мечты и желания могли быть запечатаны глубоко в его сердце.

Ичо его узнала. Таким образом, она все еще должна помнить «случайное» объятие и ласку. Он даже почти поцеловал ее. Это был абсолютно секрет. Но Ичо, похоже, не сердилась на него за это. Они оба избегали темы и предпочли хоронить ее глубоко. В простом диалоге их почти одинаковые фразы, казалось, содержали много скрытых эмоций, которые только они могли понять.

Адоратрица элегантно махнула рукой и улыбнулась: «Господин Амон, я должна подтвердить что-то еще. Я слышала, что ты вернул посох Оракула в Храм Мыса. Такой добродетельный поступок! Боги, должно быть, благословили тебя за все, что ты сделал, направляя меня, чтобы спасти твою жизнь. Поблагодари божественную судьбу, милосердное вознаграждение от Исиды».

Затем Адоратрица стала спрашивать Амона о том, как он получил посох Оракула. Рабы были отосланы. Габриэль была единственным человеком в комнате.

Амон снова повторил рассказ, а затем рассказал о своем опыте в Кейпе. Мария спросила: «Насколько я знаю, ты воин пятого уровня. Витру был магом шестого уровня, а телохранители Урихи были всеми продвинутыми воинами. Как тебе удалось убить их всех?»

Амон почувствовал, как его сердце охватил сжатый кулак. Наконец ему пришлось столкнуться с этим важным вопросом. Он не мог рассказать ей никаких подробностей о битве, поскольку она, несомненно, разоблачит его величайшую тайну.

Однако Мария не ждала ответа. Она немедленно продолжила:

«Патриарх клана Рамос преследовал тебя, его сопровождали маги и воины. Обе группы людей желали твоего сокровища, и их жадность в конечном итоге заставила их сражаться друг с другом. Таким образом, ты нашел шанс убежать. Это с тобой случилось?»

О, дорогая богиня! Какой прекрасный ответ! Мария не задавала ему вопрос, она отвечала за него.

Амон изо всех сил пытался найти оправдание. Но слова Марии избавили его от неприятностей. Он кивнул: «В самом деле, именно это и произошло. Ничто не может избежать острых глаз вашего величества и остроумия».

Габриэль прервала его: «Можешь вспомнить, как выглядели сообщники Витру и описать их нам?»

Амон кратко описал появления воинов и оружие, которое они использовали. Габриэль была удивлена. Она повернулась к Марии и сказала: «Мой господин, там был Шуит, племянник Урхии. И был также Хавон, его главный телохранитель. Хавон был очень близок к тому, чтобы стать верховным воином. Трудно представить, что он тоже умер».

Мария с сожалением сказала: «Господин Амон, я должна извиниться от имени храма Исиды. Вероятно, это было спровоцированно священником Урхией. Но поскольку все преследователи мертвы, у нас нет прямого доказательства. Согласно нашим законам, простолюдин не может преследовать верховного жреца или верховного мага. Действующее судебное преследование должно быть принято благородным человеком, который гарантирует своим благородным статусом, что он полностью понимает этот вопрос. Это единственный способ, которым обвинение может быть принято судом ».

«Поскольку все, кто участвует в этом деле, мертвы, ты не сможешь найти благородного лица, желающего действовать в качестве твоего гаранта в судебном преследовании. Священник Урхия не столкнется с судебными исканиями или последствиями. Ситуация может даже повернуться против тебя, как только дело станет публичным. Но, пожалуйста, не волнуйся. Я не позволю этому пройти. Его действия обидели Мать Исиду, и поэтому я изгоню Урхию из Храма!»

Амон оставил свое место и поклонился: «Моя дорогая леди, нет необходимости извиняться. Вы спасли мне жизнь и решили защитить меня. Я могу только оценить все, что вы сделали для меня».

Мария улыбнулась: «Пожалуйста, садись, Амон». Она указала на Габриэль и сказала: «Ты дал нам секретное письмо, которое, как ты сказал, ты нашел на теле Витру. Как иностранца, это могло бы подвергнуть тебя большой опасности. Почему ты так доверяешь нам?»

Амон горько улыбнулся: «В этом мире слишком много опасностей. Вы никогда не сможете узнать, когда и как они придут к вам. В таком мире важно доверять хотя бы нескольким людям. Если действительно нет ни одного человека, которому вы можете доверять, тогда как этот мир для вас что-то значит?»

Мария была тронута. Она хотела что-то сказать, но она остановилась. Габриэль добавила: «Ты умеешь читать, Амон?»

Это не вопрос. Конечно, Амон знал, как читать ... иначе он не смог бы понять последние слова Нерона. Мария даже знала, что Амон, скорее всего, прочитает «Письмо клина», поскольку он знал имя «Ичо», которое она вырезала в Дюке.

Амон ответил: «Я знаю, как читать, милорд». Однако он не объяснил, какие записи он мог читать.

Габриэль спросила далее: «Ты знаешь, как читать иероглифы?»

Амон ответил почтительно: «Как простолюдин, я не должен знать, как читать иероглифы. У меня не было возможности поступить в школу».

Габриэль остановила свой допрос. Мария прервала ее: «Ты можешь подождать возле комнаты, Габриэль? Есть кое-что, что я хотел бы попросить Амона наедине».

Габриэль удивилась, но она вышла из комнаты и послушно закрыла дверь. Было неуместно оставлять Адоратрицу наедине с мужчиной. Но Габриэль знала, что проблем не будет. Она больше доверяла Марии.

Что, если Амон был убийцей? Больше не о чем беспокоиться. В настоящее время Амон очень слаб. Даже если бы он был верховным магом или воином, Мария могла бы противостоять ему некоторое время с посохом в руке и с другими аксессуарами, которые она носила.

Когда они оказались наедине в комнате, они оба замолчали. Они просто не знали, что сказать. Амон не спросил Марию о содержании письма, и Мария не спросила его, читал ли он письмо. Оба они избегали темы.

Через некоторое время Мария нарушила молчание: «Откуда ты узнал мое имя, Амон? Я слышала, ты называл меня Ичо на берегу реки. Не говори мне, что это просто совпадение».

Что мог сказать Амон? Должен ли он сказать ей, что колдун восьмого уровня, который заглянул в ее комнату и записал письмо на стене?

Амон опустил глаза и медленно ответил: «Миледи, вы написали это имя в комнате в Дюке. Все, что происходит в этом мире, оставляет свой след, даже если оно слабое, даже если оно кажется незаметным. Прошлое никогда не может быть изменено или стерто ... Пожалуйста, простите меня за то, что назвал вас этим именем».

Мария не злилась. Она также опустила глаза и уставилась на свои пальцы: «Ты больше не можешь называть меня этим именем, Амон. Я уже отказалась от этого».

Амон снова посмотрел ей в лицо: «Как хотите, миледи! Я больше не буду говорить об этом. Но ... Я не могу перестать называть это имя в своем сердце. Это тоже запрещено? Прошу прощения, но это моя честная мысль».

Мария была поражена. Она почему-то не решилась вернуть ему взгляд. Она тихо ответила: «Между нашими искренними сердцами и милосердием Исиды нет ничего. Даже Мать Исида не будет обвинять честное сердце, поэтому я тоже этого не сделаю».

Амон вздохнул и ответил: «Спасибо, миледи. Кто-то однажды сказал мне что-то подобное».

Мария посмотрела ему в глаза: «Кто?»

«Его зовут Эзоп. Он раб купца в Мемфисе. Он рассказал мне об этом, когда я ехал с ним на мыс».

Мария скрестила пальцы и слегка вздохнула: «Ценность честного сердца не изменится с личностью ... Амон, если хочешь, ты все равно можешь называть меня Ичо сегодня. Но как только ты покинешь эту комнату, помни, что я сказала».

Они сидели молча. Оба они чувствовали себя немного смущенными. На этот раз Амон сломал тишину:

«Ичо, как ты жила эти последние пару лет?»

Мария ответила вопросом: «Амон, ты уже знаешь, что я Адоратрица, правитель Нижнего Египта. Почему ты спрашиваешь об этом?»

Амон посмотрел на свои пальцы и слабо ответил: «Я ясно знаю, что ты Адоратрица. Но я также знаю, что у тебя должны быть верные и честные первосвященники на вашей стороне... что, похоже, не так. Я могу себе представить, что жизнь Адоратрицы не всегда радует. Поэтому я просто хочу знать: Ичо, ты счастлив?»

Мария ярко улыбнулась, как будто она все еще была молодой девушкой в Дюке: «Я уже говорила тебе. Между нашими искренними сердцами и милосердием Исиды нет ничего. Как хранитель славы и милосердия Матери Исиды, мне нечего бояться. Моя вера дала мне лучшее,

что я могу пожелать. И я делаю все, чтобы почтить свою веру. Дело не в том, чтобы быть счастливым или несчастным. Это честь и гордость!»

Ичо ничего не скрывала от Амона. Его способность позволяла ему ощущать ее истинные эмоции. Амон обнаружил, что может понять ее. В ее словах и эмоциях была необъяснимая сила. Было ли это «Слияние веры»?

Амон знал, что Ичо была магом шестого уровня. Чтобы справиться с этим, она потратила немногим более двух лет. Амон почувствовал, что он сам прогрессирует очень быстро. Но по сравнению с ней он все еще остался на шаг позади. Не говоря уже о том, что он положил с многолетней практикой «Холодную весну».

Мария была действительно одаренной. Если бы у нее не было чудесного таланта, она бы не выбрала и не стала кандидатом в первую очередь. После ее коронования она получила гораздо лучшие условия, чем Амон. У нее были все документы, артефакты, зелья и опытные преподаватели, в которых она нуждалась. С ее скипетром, инкрустированным Божьей слезой, ее практика магии была совсем не трудной.

http://tl.rulate.ru/book/2659/164733